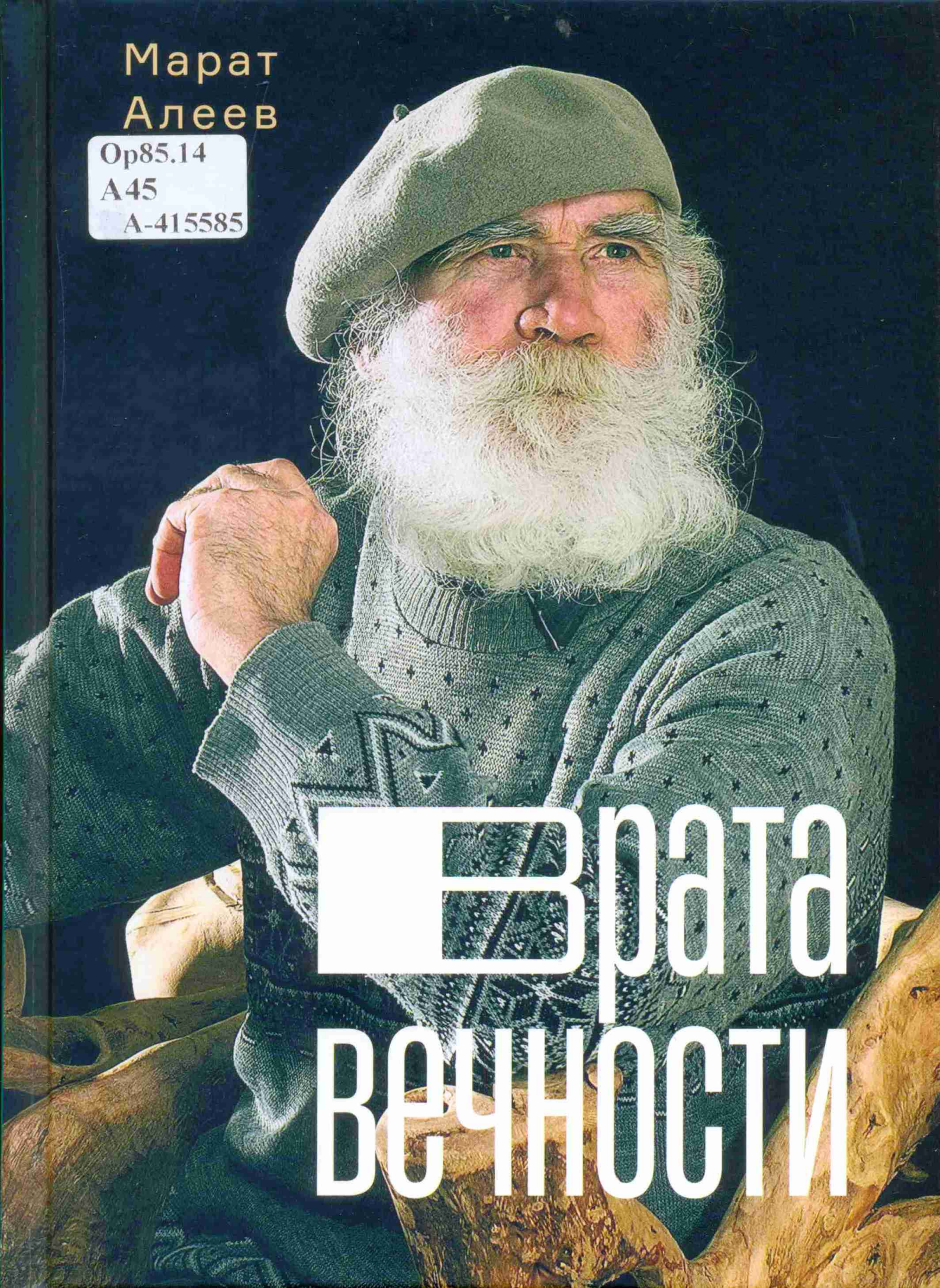

Марат
Алеев

Op85.14

A45

A-415585

A portrait of an elderly man with a long, full white beard and mustache. He is wearing a green beret and a green sweater with a small star pattern. He is sitting and leaning on a large, rough piece of wood. His right hand is resting on his chin. The background is dark and textured.

Врата вечности

От автора

Бродил художник по городу... Где-то уже слышал эти слова... ах, да, так называется книга о художнике Нико Пиросманашвили. История почти во всём повторяется, не так ли? Итак, бродил художник по Оренбургу. Часто подолгу наблюдал и созерцал различные явления жизни. Иной раз мог остановиться от внезапно поразивших его сознание и душу мысли, чувства, либо воспоминания. И остаться стоять неподвижно некоторое время. Сумасшедший, чудаки, идиот?

О, да. Но такое же впечатление производил в своё время и Сократ на благополучных жителей Афин. Так же точно обыватели смотрели на Франциска Ассизского, Шамса из Табризи, Антонио Гауди, анонимного автора «Откровенных рассказов странника духовному своему отцу», и многих-многих других известных и неизвестных странников и созерцателей, романтиков и поэтов всех времён и народов. Поэтов по состоянию души, а не по виду искусства.

Испокон веков на Руси считалось, что в каждом граде и веси должен быть хоть один праведник, иначе не устоит место то. Вот таким праведником и был этот странный человек, Художник, Набил Ишмухаметов.

Он жил среди нас не так уж давно. Бродил по улицам города, рисовал в скверике Ленина на Советской. Его можно было встретить на Беловке, на набережной Урала и в Зауральной роще — на этюдах, зарисовках, поисках природных материалов для ваяния или просто во время прогулки.

А однажды он исчез. Ушёл навсегда из города, ибо крайне остро почувствовал себя лишним и ненужным. Но найти своё место в других населённых пунктах так и не смог. Своё наследие дарил, сжигал и только небольшую часть продолжал возить с собой. Разве это не трагедия для большого Художника?

Бескорыстно преданный творчеству — скульптуре, графике и живописи, он ловил тонкие состояния изнутри и извне и стремился передать

их всеми доступными ему средствами, пока видели его глаза. Затем пока видел его левый глаз. Когда же зрение пропало вовсе, он ваял уже наощупь и пробовал писать стихи, записывая на диктофон, при этом часто путаясь и нажимая не на те кнопки...

Когда Набил пропал без вести, известный в городе коллекционер и меценат А. В. Митаревский написал в своей книге «Я вам пишу...» четверостишие:

*Как-то странно, неожиданно всё было —
Вдруг не стало в городе Набила.
Без тебя здесь хуже, без твоей фактуры...
Возвращайся и руби свои скульптуры!*

Но когда Художник вернулся, а точнее его привезли в наш город, он был уже недееспособным, полностью потерявшим здоровье и силы в бесплодных скитаниях.

Моя цель — рассказать о нём.

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Набил Ишмухаметов:

РУКИ, ПРОТЯНУТЫЕ К НЕБУ...

роман

а - 445585

Часть 1

ВСТРЕЧА

Знакомство

Солнечный летний вечер 1998-го. Во внутреннем дворе здания Оренбургского союза художников лежат доски, камни, шифер и другие стройматериалы. Греясь на солнце, вытянулись и замерли на земле три светлые короткошерстные дворовые собаки. Справа от выхода во двор — мастерская, сквозь окна которой виднеются больших размеров рисунки, холсты, причудливой формы скульптуры и мольберт. Заинтересовавшись, я заглянул в тёмную глубину дверного проёма. Неожиданно залаяли собаки, и на их лай сразу же вышел широкоплечий седобородый мужчина в потёртом сизом берете, заломленном набок. Одет он был в холщовую рубаху, подтянутую ремнём, и выцветшие, пепельного цвета шаровары. Из-под густых серебристых бровей меня встретил внимательный и спокойный взгляд. «С чем пожаловал и чем обязан?» — увидел я немой вопрос в глазах.

— Простите, Вы — художник Ишмухаметов?

Последовал лёгкий утвердительный наклон головы.

— Я учусь в художественном училище. Видел как-то на выставке в музее Вашу работу. Мне очень интересно Ваше творчество. К сожалению, я не знаю, как Вас зовут...

— Набил Абдуллович.

— Очень приятно. Меня зовут Марат. Если это не будет большой наглостью с моей стороны, можно мне посмотреть Ваши работы, чтобы лучше понять Ваше искусство? Дело в том, что Ваши творения очень редко встречаются на выставках...

Заросшие брови поднялись, глаза его, на мгновение округлившись, глянули на меня с некоторым интересом и удивлением и тут же вернулись в обычное спокойное состояние. Он молча повернулся боком и, сделав широкий жест рукой, слегка кивнул в сторону комнаты, приглашая войти.

Просторная мастерская с высоким потолком была наполовину заполнена холстами, большими папками, кипами картона и бумаг, деревянными скульптурами и ещё необработанным древесным материалом природной формы: причудливыми корягами, пнями, замысловатыми ветвями.

— Присаживайся, — сказал он мне, показав ладонью на невысокий деревянный топчан явно ручной работы.

Я сел, он же взял картонную папку и, протянув мне, сказал:

— Посмотри для начала вот это...

Сам сел слева от меня по другой конец приземистого столика и стал с интересом наблюдать за мной, едва заметно улыбаясь одними морщинами в уголках глаз. Я бережно листал рисунки, выполненные различными графическими материалами. Там были этюды, сделанные простым карандашом, цветными мелками, пастелью, сангиной, каким-то одним цветным карандашом, либо многими цветами, по своей выразительности они приближались к живописи. Его рисунки были живописными по самой своей сути — в них ощущался воздух и цвет. Линии, штрихи и пятна непрерывно перетекали друг в друга, вспыхивая и переливаясь тональными и фактурными отношениями, глубоко проникая в характер и состояние отражаемого. Это была серия портретов, в основном выполненных на тонированной бумаге: желтоватой, серой, светло-голубой, иной раз на розовой с золотистым отливом, размером примерно формата А-3. Тон листа всегда был очень точно обыгран и выразительно подчёркивал характер лица каждого героя. С одного из листов на меня не без иронии смотрел длинноволосый пожилой мужчина со смуглым лицом, испещренным многочисленными глубокими и мелкими морщинами. Но его глаза были настолько подробно прорисованы, а искрящийся умный взгляд передан так мастерски, что возникло мистическое чувство присутствия этого человека здесь и сейчас¹...

— Какое выразительное лицо... А кто это?

— Музыкант. Мой хороший знакомый. Он владеет многими музыкальными инструментами. Интересный человек...

— Вы его рисовали с натуры?

— Конечно. Начал с натуры рисовать в парке возле театра. Разговорились, и я его пригласил к себе на чай. Здесь продолжил рисовать, только иногда поглядывая на него. Разошёлся и стал работать обеими руками.

— Как?! Вы и левой рукой можете рисовать?

— Да. Если накроет с головой вдохновение, то уже без разницы, какой рукой и чем. Тут уж не ты рисуешь, а тобой рисуют.

— Этот человек как будто из XIX века, из мира Достоевского. Насколько глубокая и тонкая душа.

¹ См. приложение илл. 1

— Ну, может быть... Если ты так видишь...

— Набил Абдуллович, а как это у Вас получается так много заниматься портретами? Я имею в виду, что мне это тоже интересно, но я как-то стесняюсь просить незнакомых людей позировать...

— Я просто выхожу в парк, сажусь где-нибудь в тени и что-то себе рисую, а люди сами подходят, смотрят, интересуются. И почти всем интересно, делаю ли я портреты. Говорю: да, и, если желаете, могу и вас нарисовать. Так я говорю, если этот человек не вызывает во мне негативных чувств, а, особенно, если чем-то меня заинтересовал. Случается, правда, что подошедший ко мне уже с первого взгляда крайне неприятен, такое иногда бывает. Я его никогда не знал, но интуитивно чувствую, что это не мой человек. Тогда просто говорю: нет, и всё. Даже если большие деньги предложит, всё равно не буду рисовать.

Рассматриваю два графических портрета школьниц.

— А вот эти детские портреты я рисовал там же, только на другой день. Две школьницы после уроков шли домой и подошли посмотреть, что дедушка рисует. Я нарисовал одну карандашом, и она попросила меня подарить ей портрет. Но я ей сделал на другой день копию. Вторую девочку тоже нарисовал, но пастелью¹. Она очень просила, но такой портрет я подарить, конечно, не могу. Ей тоже копию сделал. Раньше дарил много, но люди, в большинстве, это не ценят. Поэтому незнакомым я предлагаю купить, а если нет — оставляю рисунок себе. А что, Марат, может быть, чаю?

— Да нет, спасибо, я лучше посмотрю ещё что-нибудь, если можно.

— Знаешь, я ведь ещё скульптуры делаю. Вот, к примеру, Спутник, — сказал он, доставая откуда-то из угла длинную многогранную скульптуру из дерева в виде импровизированного посоха. — Спутник, находящийся с путником и всюду его сопровождающий в пути. Ведь каждый из нас путник, странник на Земле, а путь — это жизнь с её предназначением, испытаниями, смыслом и итогом. Есть же такое выражение, что «каждый несёт свой крест». И у каждого свой Спутник в его пути. Этот — мой. Я с ним даже ходил по городу, по Советской, опираясь на него, а иногда положив на плечо. Некоторые меня останавливали, спрашивали, что это и почему я с ним хожу. А я им объяснял, что это — мой Спутник. Однажды кто-то из молодежи, держа одной рукой пиво, другой — девушку за талию, говорит: «Можно посмотреть?» — и тянет руку. Я ему: «Э, нет, смотрят глазами, а руками уже трогают». — «А потрогать?» — «А потрогать, — говорю, — стоит 100 баксов!» Смеются, но смотрят сразу же с должным уважением — раз 100 баксов, значит, «это вам не просто так». Держи, смотри, — обратился он ко мне. — Со скульптурой нужно общаться, трогая её руками.

¹ Приложение илл. 2

— Да нет, спасибо, я лучше посмотрю в Ваших руках.

— Бери, говорю тебе. Скульптуру нужно смотреть со всех сторон, трогать и гладить. Чувствовать её руками.

— Да у меня руки не вымыты.

— Ничего, тебе можно, я разрешаю.

И я, вращая, рассматривал это резное многоярусное чудо, наполненное множеством рельефных статуэток людей, зверей, растительных и геометрических орнаментов, ажурно опоясывающих этот мощный четырёх-, а местами многогранный, нет, даже не посох, а какое-то явление на грани архаики и современности. Этот Спутник до сих пор стоит у меня перед глазами, но где он сейчас — одному Богу известно.

— Набил Абдуллович, а почему Ваши работы так редко выставляются среди других?

— Среди других мои работы не редко, а вообще уже не выставляются. Почему? Да просто не дают такой возможности. Да я и сам теперь не появляюсь в выставочном зале...

— Почему?

— Там всё захватила «рысухинская мафия» — они никого не пустят, не позволят здесь проявить себя. Всё живое и новое душат на корню. Они всегда будут против тех, кто не такой как они, кто сильнее, самобытнее и оригинальнее их. Это волки, вернее, шакалы.

— Неужели все, кто там выставляется, — шакалы?

— За редким исключением — все. И почти все, опять же за очень редким исключением, бездарные посредственности, не имеющие своего лица и голоса в искусстве, но из кожи вон лезущие, пытаясь оригинальничать, кривляясь и перекраивая западный и русский авангард на свой посредственный манер, а то и явно ворую чужие творческие идеи, образы и находки, полагая, что никто ничего не поймёт из этого. Пачкают холсты и бумагу многие, а вот художников, достойных этого звания, по пальцам одной руки сосчитать, и пальцев все равно для этого будет много! Зато сколько гонору-то...

— Ну вот, к примеру, взять сегодняшнюю выставку Рысухина. По-моему, неплохая...

— Да видел я его работы, сплошной примитив. Для иллюстраций советского книжного издательства «Детская литература» годится. Впечатление, что он эти картины и печатает типографским способом.

— Но ведь он их пишет кистью...

— Да что толку... Я ведь не о том... Если в картине нет твоей, страданной тобой мысли, идеи, не слышно твоего дыхания, не ощущается твой родной запах — запах молока кормившей тебя матери, тогда то, что ты делаешь, не есть искусство...

— А что же это?

Оглавление

Послушайте	6
Такой книги не было...	8
Биографическая справка	10
Благодарность	13
От автора	15
 НАБИЛ ИШМУХАМЕТОВ: РУКИ, ПРОТЯНУТЫЕ К НЕБУ...	
роман	17
Часть 1. Встреча	18
Часть 2. Запах хлеба и вкус соли	42
Часть 3. Рождение художника	55
Часть 4. Художник в городе Орске	65
Часть 5. Творческий поток	108
Часть 6. «Оренбург, да будет вечным солнце над тобой!»	191
Часть 7. Дружба — превыше всего!	244
Часть 8. Врата Вечности	341
Часть 9. Живой Джалиль	371
Часть 10. Океан	409
Эпилог	450
Приложение	457
 НАБИЛ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА	537
Интервью, записанное на диктофон журналистом С. Ю. Шермицинским 19.05.2011 и предоставлен- ное автору в качестве материала для книги	538
Интервью Набила из фильма «Земляки» режиссёра Г. Г. Мушараповой	549
«Мы отвыкли от чуда, Вы подарили его нам»	554
Грусть, застывшая в скульптурах	556
Молния в сердце	558
Набил Ишмухаметов: «Мне легче преодолеть препятствия гранита...»	562
 ЗВЁЗДЫ НАД ГЕРМАНИЕЙ	
Часть, не вошедшая в роман	565

ДРУЗЬЯ О НАБИЛЕ	587
Владислав Иванович Хромов, член Союза художников РФ, г. Горно-Алтайск.	588
Валерий Алексеевич Лебедев, член Союза художников РФ, г. Оренбург	594
Фаина Рафаиловна Хаялина, искусствовед, г. Оренбург	601
Михаил Иванович Кранго, журналист, г. Оренбург	603
Александра Николаевна Суспицына, член Союза художников РФ, г. Оренбург	615
Виктор Иванович Шаталов, геолог, художник-любитель	624
Ольга Александровна Ивашинцова, член Союза художников РФ, г. Санкт-Петербург	654
ТЕКСТЫ НАБИЛА	667
О текстах Набила	668
Полёт беркута	669
Триптих «На горящей ЗЕМЛЕ не растут цветы»	671
У степных камней ...не бывает ночи...	674
...Тишина...	674
...Скитальцы вселенной...	679
...Ушёл XX век	682
О сотворении мира	685
О жизни, красоте и печали	688
Мир	691
Мир, каков он	697
Ташла	700
Ташла каменистая	701
К сорокалетию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	705
Из записной книжки Набила	713
Стихи, записанные Набилом на диктофон	720
ГОРОДСКАЯ СКУЛЬПТУРА: нереализованные проекты	740
Филиса Хакимова, журналист, г. Казань <i>Путник с молнией в сердце</i>	746
Послесловие	749

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.